

Я тут же кивнул и вместе с ним направился в дом.

— Дядя Люй, ваша комната на втором этаже, позже кто-нибудь проводит вас. А сейчас мы можем подняться на третий этаж и посмотреть почту? — Дойдя до второго этажа, я остановился.

— ... Пойдем.

Поддельная дата, поддельный адрес, куча поддельных кодов — всё это стало единственным, что могло заставить дядю Люя поверить мне. Настоящее доверие приходилось строить на полностью ложной основе.

Я включил компьютер, бросил взгляд на приклеенную к экрану записку и незаметно сорвал её, сжав в ладони, когда нажимал кнопку включения. Пряч руку, я аккуратно отправил её в мусорную корзину.

Логин и пароль уже были записаны в памяти.

Когда я с легким волнением открыл веб-почту и экран остановился на странице входящих, я смог незаметно выдохнуть с облегчением.

Только тогда я взглянул на дядю Люя.

Он стоял перед «книжной стеной» в моей комнате, слегка запрокинув голову, и осматривал полки, уставленные книгами. Затем он повернулся ко мне, сделал шаг в мою сторону, по пути бросив взгляд на диван.

Я проследил за его взглядом: на диване лежало всего несколько журналов.

Однако в его выражении лица сквозила тень размышлений.

— Письмо найдено.

К этому времени дядя Люй уже подошел к тумбочке у моей кровати, держа в руках журнал, который я читал вчера. Услышав мои слова, он едва заметно вздрогнул.

Молча положив журнал, он подошел. Я встал, уступив ему стул.

Дядя Люй не сел, а лишь встал рядом со стулом, наклонившись вперед и пристально глядя на экран компьютера, его рука, держащая мышь, слегка напряглась.

На экране компьютера было электронное письмо, отправленное 19 января, состоявшее всего из одной строки:

«Если моих способностей окажется недостаточно, прошу тебя позаботиться о дяде Люе».

В комнате воцарилась тишина, и я мог ясно слышать собственное дыхание.

Короткая фраза из девятнадцати слов, но дядя Люй, казалось, читал её несколько минут. Его глаза слегка расширились, он не моргнул ни разу, даже взгляд не дрогнул, будто весь он застыл, словно кадр из фильма, где все действия приостановлены.

Я стоял в шаге от него, наблюдая, как его лицо вдруг напряглось, он резко повернулся спиной к компьютеру, оперся на стол и схватился за висок.

Я мог видеть только напряженную челюсть, которую его рука не могла скрыть.

А я мог лишь стоять в стороне, беспомощно наблюдая, как мой родственник страдает из-за меня.

В прошлой жизни, обладая властью, я не смог удержать своё положение, что уже было крайне бесполезно. На этот раз судьба выбрала другой способ показать мою никчемность, и, кажется, небо действительно ко мне благосклонно.

Я отвернулся, сделал несколько шагов, налил стакан воды с чайного столика, залпом выпил его, затем налил ещё один, подошел к письменному столу и тихо поставил его на стол позади дяди Люя.

— Дядя Люй, вы больше не живете в семье Гу? — спросил я.

Дядя Люй, всё ещё отвернувшись, провел рукой по лицу:

— Ты видел.

— А как сейчас обстоят дела в семье Гу?

— ... — Дядя Люй на мгновение замолчал, затем повернулся ко мне. — В твоём шкафу сплошные книги по биологии.

— Почему вы вдруг заговорили об этом? — я слегка опешил. — Мне нравится биология. Что в этом плохого?

— Но на твоём чайном столике, у изголовья кровати, книги, которые ты часто читаешь, — это книги по экономике, — дядя Люй пристально смотрел на меня.

Я почувствовал, как сердце вдруг забилося, и едва смог найти слова. Сдерживая волнение, я слегка расширил глаза, глядя на дядю Люя, затем медленно опустил голову и ответил с ноткой разочарования в голосе:

— Потому что этого ждал мой отец.

Я прекрасно понимал, как выгляжу в этот момент. Четырнадцатилетний подросток, переживающий период бунтарства, имеющий собственные увлечения, но вынужденный идти в другом направлении — это, несомненно, неприятно и легко вызывает чувство раздражения. Думая об этом, я вдруг почувствовал, что это чем-то напоминало Гу Вэньбина в прошлом.

Дядя Люй замолчал.

Я добавил:

— Как и Гу Вэньбин, которому тоже приходилось это делать.

Дядя Люй больше не стал меня допрашивать.

— ... Как ты так быстро меня узнал? — Дядя Люй поднял чашку, которую я поставил перед ним, и сделал глоток воды.

— ... Гу Вэньбин прислал мне ваши фотографии.

Гу Вэньбин, Гу Вэньбин. Неожиданно, что человек, проживший бесполезную жизнь, после смерти оказал мне такую огромную помощь.

Его смерть, возможно, тоже имела смысл?

Я почувствовал, как нерв внутри меня резко дернулся.

— Я хочу посмотреть, какую фотографию он тебе отправил, — Дядя Люй допил воду из чашки.

Я слегка покачал головой:

— Её нет в этом почтовом ящике. Как-нибудь в другой раз. Вы устали, идите отдыхать.

Дядя Люй всегда был упрямым, и, получив такой прямой отказ, он больше не стал настаивать.

— Когда найдёшь, перешли мне. Чем быстрее, тем лучше, — Дядя Люй произнес последнюю фразу, взглянул на меня, поставил чашку и вышел из комнаты. У двери он вдруг остановился, повернулся и посмотрел на меня. — Я остаюсь в семье Жун. Чем я могу тебе помочь?

Возможно, только огромные амбиции смогут заставить дядю Люя поверить мне, младшему сыну семьи Жун.

— Я говорил, что хочу семью Гу, — я слегка прищурился, глядя на него. — Вы сможете с этим смириться?

Спина дяди Люя слегка расслабилась:

— Сейчас у руля два самозванца, не имеющих на это права. Те, кто раньше был в семье Гу, либо перешли на другую сторону, либо ушли. Сейчас это просто разрозненная масса. — Он сделал паузу, и его голос стал жестче. — С чем тут смириться?

Моя бровь резко дернулась.

Дяде Люю сейчас за пятьдесят, и он пришел в семью Гу, когда ему было тридцать. Двадцать с лишним лет — самые яркие годы его жизни — он провел в семье Гу, но теперь там не осталось ничего, что могло бы его удерживать.

Если бы я всё ещё был там, если бы семья Гу всё ещё существовала, был бы его ответ другим?

Лёгкое чувство потери не покидало меня, и мой голос стал тише:

— Тогда всё в порядке.

— Молодой господин, господин зовёт вас, — едва я проводил дядю Люя, как сразу же услышал стук в дверь от управляющего.

По пути в кабинет я размышлял, почему Жун Шицин велит называть себя «господином»? Ему всего лишь чуть за тридцать, и если бы в семье Жун был старший в возрасте пятидесяти или шестидесяти лет, его вполне могли бы называть «молодым господином Жун».

Словно ему срочно понадобился этот титул для чего-то. Однако, насколько я знал, в семье Жун не было других старших. В его поколении были лишь несколько двоюродных братьев. Если говорить о других, то только о дальних родственниках.

Это было странной особенностью семьи Жун. В других знатных семьях обычно стремились к тому, чтобы род был многочисленным и процветающим, но только в клане Жун каждое поколение насчитывало лишь одного или двух детей.

— Отец, вы звали меня?

Открыв дверь, я увидел Жун Шицина за столом с пачкой документов в руках.

— Да, — он положил документы и поманил меня.

Я подошел к его столу и остановился.

Он посмотрел на меня и снова поманил.

Я сделал шаг за стол.

Жун Шицин подался вперед, взял меня за плечо и мягко притянул к себе.

Я увидел документы перед ним и замер. Это были те самые кейсы, которые Жун Нянь попросила меня разобрать утром на занятии. Почерк был нарочито искривлен, и среди серьезных бизнес-документов это выглядело особенно неуместно.

— Это твоя домашняя работа, — Жун Шицин повернул голову ко мне.

На расстоянии этот мужчина казался холодным и жестким, даже линии его лица и тела были четкими и суровыми. Но вблизи, особенно когда его взгляд был таким спокойным и сосредоточенным, он казался необычайно мягким и умиротворенным.

Я вдруг вспомнил сцену, которая произошла после ужина, когда я спустился вниз за молоком. Было уже десять вечера, в гостиной на первом этаже горел только один светильник рядом с диваном, свет был мягким и теплым, а Жун Шицин сидел один на диване с журналом в руках. Я никогда раньше не видел его таким спокойным.

А сейчас его выражение лица было точно таким же.

<http://bllate.org/book/16596/1516645>